

ОРНИТОЛОГИЯ

Выпуск 14

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1979

В.М. Галушин

Пять птенцов в выводке обыкновенного канюка. Кладка из 5 яиц у канюков — большая редкость, выводок из 5 птенцов — явление уникальное, в отечественной литературе не отмеченное. Да и в зарубежных публикациях удалось отыскать упоминания только двух таких случаев полувековой давности. На Курском стационаре (Стрелецкий участок Центрально-Черноземного заповедника с непосредственно прилегающей к нему полосой полей; расположен в 10—15 км к югу от Курска; площадь стационара около 25 км², в том числе 10,5 км² леса) в 1974 г. установлена внушительная численность обыкновенного канюка: 12 гнездящихся пар при плотности населения в 11,4 пары на 10 км² лесных угодий.

Главные причины столь высокой концентрации здесь канюков — наличие среди обширных открытых пространств южного лесостепья пригодных для гнездования дубрав, к тому же надежно защищенных строго соблюдаемым заповедным режимом. Постоянно изобильная кормовая база (крапчатые суслики и другие грызуны, ящери-

цы, птицы, крупные насекомые) в 1974 г. была особенно богата из-за высокой численности мышевидных (данные В. И. Елисеевой). Обилию кормов соответствовала плодовитость канюков: средний размер кладки (по 10 гнездам) почти 3 яйца, выводка пуховиков — 2,2 птенца. Но значительный отход молодняка из-за затяжных дождей, когда родители птенцов почти не кормили, и хищнической деятельности куницы заметно сказался на итоговом успехе размножения канюков: в среднем на гнездящуюся пару пришлось только по 1 слетку.

Необычайный выводок из 5 птенцов канюка был найден 6/VI 1974 г. в гнезде (Ка-3-74) у южной опушки Петрина леса. Пуховики были в возрасте от 1 до 6—7 дней, плотно накормлены — зобы набиты пищей, да еще на гнезде лежали 2 полевые мыши. Спустя 5 дней все птенцы были живы (рисунок), но младший сильно отставал

Рис. Выводок из 5 птенцов канюка. Центрально-Черноземный заповедник. 11/VI 1974 г. Фото В. Душенкова

в росте (в 5—6 раз меньше старшего) и беспрерывно пищал, видимо, от голода. Остальные птенцы были сыты, но изнывали от жары, пытаясь спрятаться в тень. Никаких признаков агрессивного отношения птенцов друг к другу замечено не было, следов ранений не найдено даже у самого младшего из них.

В последующую неделю почти беспрерывно шли холодные дожди, охотничья активность канюков резко спала; птенцы голодали, да к тому же на них в массе напал гнус. К 20/VI в гнезде оставался только один старший птенец, будто пеплом осыпанный мокрецом. Еще один птенец найден мертвым под гнездовым деревом, остальные исчезли бесследно. Но и последнему представителю этого уникального семейства не суждено было дожить до вылета. Предупрежденные сотрудниками заповедника, мы постарались защитить выводок от куницы, укрепив на стволе гнездового дерева пластиковый кольцевой козырек. И все-таки 25/VI гнездо было разорено, по всей вероятности, именно куницей, которая могла прыгнуть с соседнего дерева. На гнезде остались следы нападения: развороченная подстилка, обкусанные пеньки перьев, остатки от полевого воробья, жившего в основании гнездовой постройки канюка.

Возле описываемого гнезда всегда держалась только пара канюков, что исключает допущение полигамии и, соответственно, двоянной кладки. Гнездо располагалось в 300 м от степи, где преимущественно охотились его владельцы: устроено оно было в удобной чашевидной развилке дуба на высоте 10 м от земли. В 1973 г. его занимали не канюки, а коршуны, которые, судя по всему, в том же году его и построили.